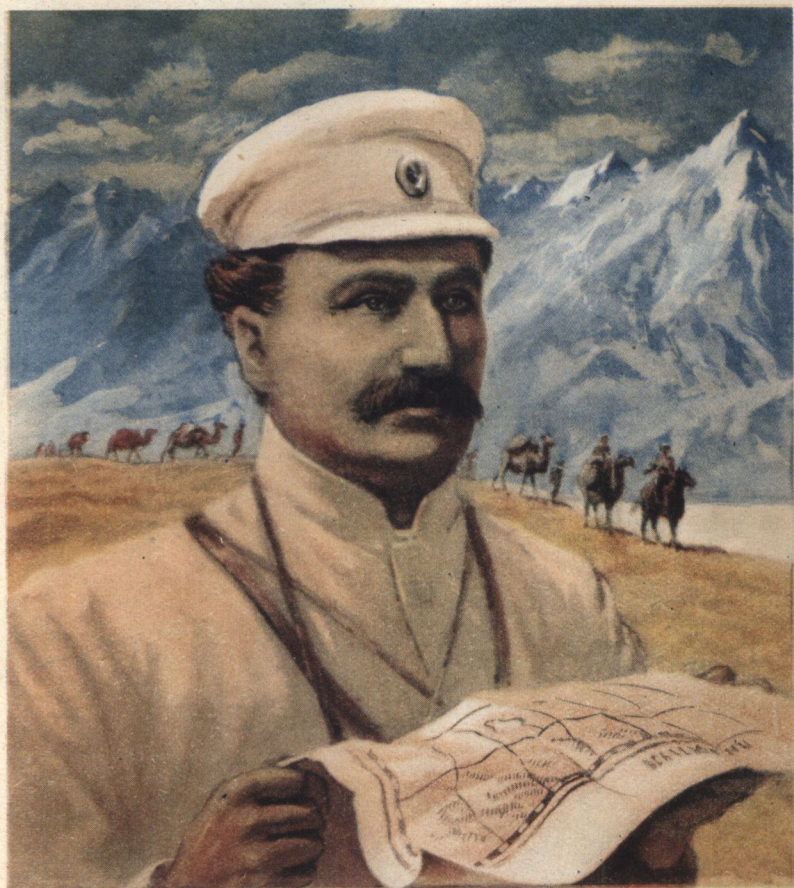

Э. М. Мурзаев
Н.М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

Географгиз • 1952

Э. М. МУРЗАЕВ

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1952

Очерк Э. М. Мурзаева — Н. М. Пржевальский — входит в серию популярных очерков о замечательных русских путешественниках. В научной редакции серии принимают участие: член-корр. Академии наук СССР Н. Н. Баранский, доктор географических наук М. С. Боднарский, доктор географических наук Э. М. Мурзаев, профессор К. А. Салищев, член-корр. Академии педагогических наук А. И. Соловьев.

Редактор Н. Г. Фрадкин

Технический редактор Д. А. Глейх. Редактор карт Г. Н. Мальчевский
Обложка художника Н. Н. Крылова

Т 04055. Сдано в производство 21/III-52 г. Подписано к печати 20/V-52 г.
Формат $84 \times 108^{1/32}$. Тираж 50 000. Бумажных листов 0,75. Печатных листов 2,46. Издательских листов 2,5. Цена 75 к. по прейскуранту 1952 г.
Заказ № 1129.

3-я типография «Красный пролетарий» Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

Посмотрите на карту Азиатского материка. От Средиземного моря до берегов Тихого океана гирляндами раскинулись горы, вершины которых прячутся в заоблачной выси. Рисунок речной сети, нагорий и низменностей на карте создавался не сразу. Чтобы выполнить его, понадобилось несколько столетий упорного труда, героических путешествий. Только во второй половине XIX века были раскрыты для науки тайны Центральной Азии — этой самой труднодоступной части материка.

Могучие горные цепи опоясывают Центральную Азию. Высоки снежные хребты, суровы и холодны нагорья, безводны и летом очень знойны громадные азиатские пустыни — Гоби и Такла-макан.

На юге Центральной Азии вздымается величайшее в мире Тибетское нагорье, ограниченное хребтами Гималаев и Куэнь-луня; на юго-востоке расположена разветвленная горная страна Нань-шань. На западе Центральной Азии также громоздятся горы: Тянь-шань, Алтай, на севере — Танну-ола и другие. На востоке — меридиональной стеной протянулся Большой Хинган. Все это не только горные рубежи, но и резкие физико-географические границы.

В центральной части Азии, изолированной от прямого влияния морей и океанов, — сухо, пустынно, рек мало, леса растут островами и только на склонах высоких гор. Земледельческие, густонаселенные оазисы обычно находятся вблизи гор, откуда текут реки. Вода этих рек дает жизнь полям, садам, огородам. На обширных песчаных

пространствах с редкой растительностью кочевники пасут овец, коз, верблюдов, лошадей и крупный рогатый скот.

По внешнюю сторону горных хребтов, обращенную к морям, океанам или районам более влажным, чем внутренние части материка, климат другой — здесь выпадает больше дождей, растительность тоже иная — зеленеют леса, пышные луга и высокотравные степи.

Реки Центральной Азии начинаются высоко в горах. Они устремляются со снежных хребтов на предгорные равнины и в межгорные котловины. Но путь их преграждают сухие земли пустынь, пески или замкнутые впадины, где реки, разливаясь, образуют озера и обширные солончаки. Таковы, например, гигантская котловина Цайдам, где солончаки раскинулись на многие сотни километров, или впадина Куку-нор, в которой синеют воды глубокого озера Куку-нор.

В пустыне Такла-макан течет крупнейшая центральноазиатская река Тарим, которая собирает воды с хребтов Кара-корума и Тянь-шаня, а заканчивает свой большой путь в болотистом озере Лоб-нор. Только одна река пересекает Центральную Азию на громадном протяжении в тысячи километров и не иссякает в рыхлых грунтах, не кончается в местном озере, а вырывается на зеленые просторы Великой Китайской равнины. Это полноводная Хуан-хэ. Она протекает через пустыню, образуя гигантскую излучину, где лежит страна, известная под названием Ордос. На запад от Ордоса — через реку — протянулись пески Ала-шаня, а севернее простирается холмистая и увалистая монгольская Гоби.

В Центральной Азии расположены Монгольская Народная Республика и значительная часть территории Китайской Народной Республики. Народы этих стран строят новую, светлую жизнь. Пройдет время, и под воздействием человека глубоко преобразится природа центральноазиатских земель.

Правительства Китая и Монголии снаряжают ныне много экспедиций, которые проникают в самые далекие и труднодоступные уголки, расширяя и углубляя географическое изучение Центральной Азии. Китайские и монгольские ученые с успехом осуществляют научные исследования своих стран, отдавая должное славным русским ученым, положившим начало систематическому научному изучению обширных пространств Центральной Азии

*Николай Михайлович
Пржевальский*

во второй половине прошлого столетия. Русские путешественники содействовали культурному сближению народов России, Китая и Монголии, завязывали первые дружеские связи с жителями Центральной Азии: китайцами, монголами, тибетцами, уйгурами, дунганями.

В 1845 году в России было основано Географическое общество, замечательное научное учреждение, которое сыграло крупную роль в истории географических исследований нашей Родины, прилегающих к ней государств и заморских стран.

С 1873 по 1914 год бессменным руководителем Географического общества в течение более 40 лет был Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский, знаменитый исследователь, блестящий организатор и вдохновитель множества увлекательных и плодотворных путешествий. Сам путешественник и ученый-географ, Петр Петрович был первым из европейцев, кто проник в 1856—1857 годах в загадочные тогда горы Тянь-шаня и увидел могучие цепи «Небесных гор». Его исследования в корне изменили представления о геологическом устройстве внутренних частей Азии.

Из множества экспедиций, организованных Русским Географическим обществом, наибольшую славу принесли русской науке путешествия Николая Михайловича Пржевальского.

Пржевальский сформировался как путешественник и ученый под влиянием П. П. Семенова-Тянь-Шанского и других выдающихся деятелей Русского Географического общества. Все планы путешествий Пржевальского обсуждались и утверждались Географическим обществом, которое воспитало не один десяток замечательных исследователей суши и моря.

В 1886 году Российская Академия наук наградила золотой медалью этого великого путешественника, заложившего фундамент научных географических знаний об обширных пространствах Гоби и исполинском нагорье Тибета. На медали было написано «Николаю Михайловичу Пржевальскому — первому исследователю природы Центральной Азии. 1886».

В истории науки есть ученые, идеи и труды которых являются целой эпохой. Проходят десятилетия, но не умирает память о них; наоборот, еще сильнее подчеркивается их величие, неутомимость, научная страсть. К таким уче-

ным относится и Николай Михайлович Пржевальский, со дня смерти которого прошло уже более полувека.

Имя Пржевальского читается у нас как имя одного из самых выдающихся деятелей науки, классика русской географии, которому нужно следовать, у которого нужно учиться, которого всегда надо изучать. «Окиньте взглядом, — пишет Ю. М. Шокальский, — все, сделанное Н. М. Пржевальским, и он встанет перед вами во весь богатырский рост, поразит и увлечет громадной совокупностью своих искренних стремлений открыть науке истинную картину природы Центральной Азии».

Николай Михайлович Пржевальский родился 31 марта (12 апреля) 1839 года в семье мелкого помещика Смоленской губернии, в деревне Кимборово.

Родители Николая Михайловича имели небольшую усадьбу «Отрадное», с которой связаны первые детские воспоминания будущего путешественника. Поля и леса, окружающие «Отрадное», явились первой школой для мальчика. Здесь он учился любить и понимать родную русскую природу во всем ее многообразии. Охота была первой страстью юного Пржевальского. Сначала он стрелял из игрушечного ружья желудями, потом смастерил себе лук, а в 12 лет получил от отца настоящее охотничье ружье.

Жизнь в «Отрадном» проходила тихо и незаметно. Будущий исследователь Центральной Азии вместе с братом Владимиром бродил по окрестностям. Ни дождь, ни холод, ни жара не останавливали их. Ведь так увлекательно ловить сердитых жуков и подолгу гоняться за красивыми пестрыми бабочками или, тихо сидя в лесу, слушать многоголосое и неумолчное пение птиц. Всюду в природе была видна жизнь, жила сама природа, и недаром Николай Михайлович любил природу, как может полюбить ее человек, с детства познавший ее увлекательное разнообразие и неиссякаемую красоту. Его пылкий ум искал объяснений многим явлениям, казавшимся таинственными и непонятными.

С 10 лет Пржевальский начал учиться в Смоленской гимназии. В своем классе он выделялся способностями

и был одним из первых учеников. Однако гимназия дала Пржевальскому немного знаний. «Хотя я и отлично кончил курс в Смоленской гимназии, но, скажу поистине, слишком мало вынес оттуда. Значительное число предметов и дурной метод преподавания делали решительно невозможным, даже и при сильном желании, изучить что-либо положительно. Подбор учителей, за немногими исключениями, был невозможным», — писал позже Пржевальский¹.

С 16 лет Николай Михайлович поступил в юнкерское училище. Он сознательно избрал военную службу. Крымская война по времени совпала с окончанием им гимназии. Севастопольская эпопея произвела на молодого человека большое впечатление. Героизм севастопольских солдат звал молодежь к новым ратным подвигам. Но юнкерская жизнь не могла удовлетворить Пржевальского. Обращение с солдатами в полку было плохое. Офицеры убивали свободное время за картами и вином. Мечты о военной карьере оказались не оправданными действительностью. Здесь, на юнкерской службе, говорили о Пржевальском его сослуживцы-офицеры: «Он не наш, а только среди нас».

Будущий исследователь Азии решил попытаться попасть в Академию Генерального штаба. Для этого он много занимается, читает, прорабатывает необходимые к экзаменам курсы. За короткое время он успевает сделать многое. Ему помогает великолепная память. Память Пржевальского поражала его товарищей. Николаю Михайловичу достаточно было прочитать один раз, и он помнил многие страницы почти текстуально. Друзья устраивали ему своеобразные испытания. Они открывали книгу, прочитанную до этого Николаем Михайловичем, читали вслух две-три строчки, после чего испытуемый говорил наизусть все, что написано ниже прочитанных строчек до конца страницы и на следующей.

Пржевальский прекрасно выдержал конкурс для поступающих в Академию и был зачислен слушателем Академии Генерального штаба в Петербурге.

В жизни Пржевальского с Академией связан ряд важных этапов его биографии. Здесь он впервые выступает как писатель. Жизнь в Академии была легкой

---

¹ «Русская старина», № 11, 1888. Автобиографические записки Н. М. Пржевальского.

только для хорошо обеспеченных. Николай Михайлович же рано познал заботу о заработке. Он пишет первую свою работу «Воспоминания охотника»¹ и посылает ее в журнал «Коннозаводство и охота». Журнал печатает статью, но денег начинающему автору не платит. И без денег радостно увидеть свою первую работу вышедшей из печати.

В Петербурге Николай Михайлович много читает, но признается, что военные науки его в общем мало интересуют. Зато книги по истории и естествознанию увлекают Пржевальского и он все более и более углубляется в эти науки. В Академии будущий великий путешественник пишет свою вторую литературную работу, на этот раз уже географическую. В его автобиографическом рассказе читаем: «При переходе на второй курс я взял темой для своего сочинения «Амурский край»; источников было много — тогда вышло в свет сочинение Маака² и другие, и я мог окончить свою работу без особых затруднений». В этой работе автор использует как литературу по Приамурью, так и свое хорошее знакомство с источниками по общим вопросам географии; прекрасная память легко подсказывает ему необходимые цитаты, справки, сравнения из всего, что прочитано и усвоено раньше.

Академик В. П. Безобразов, известный в то время экономист, статистик и публицист, представил упомянутую работу Пржевальского «Военно-статистическое обозрение Приамурского края» в Географическое общество. Он обратил внимание членов Русского Географического общества на высокие достоинства этого труда и предложил избрать автора в действительные члены. Это событие сыграло громадную роль в дальнейшей судьбе человека, которому затем суждено было своими трудами и подвигами прославить Географическое общество и русскую географическую науку.

* *
*

В 1864 году Николай Михайлович уезжает к себе на родину в Смоленщину, где упорно занимается зоологией

---

¹ Переиздано в Известиях Всесоюзного Географического общества, т. 72, вып. 4—5, 1940, стр. 488—500.

² Пржевальский имеет в виду известный труд Р. Маака «Путешествие по долине реки Уссури». 2 тома, СПб., 1861.

и ботаникой. Больше всего любил Пржевальский зоологию — здесь сказалась его страсть к охоте, великим мастером которой он был. Любовь к животным, его знания и открытия в этой области привели впоследствии к присвоению ему Московским университетом степени доктора зоологии.

В конце 1864 года Пржевальский переводится в Варшаву, в юнкерское училище, библиотекарем и преподавателем географии.

Варшавский период жизни Пржевальского был очень плодотворным. Чтение литературы, изучение физической географии, дальнейшее усовершенствование в области зоологии и ботаники, подбор литературы в библиотеке, лекции (Николай Михайлович был замечательный лектор, поражавший слушателей своими знаниями и цитированием на память выдержек из сочинений путешественников), подготовка книги по всеобщей географии, мысли о будущих путешествиях — все это, вместе взятое, утомляло Пржевальского, но и радовало его насыщенностью работы и ее результатами.

В упомянутом «Автобиографическом рассказе» читаем об этом периоде жизни: «В течение двух лет и нескольких месяцев я в уверенности, что рано или поздно, но осуществляю заветную мечту о путешествии, изучал ботанику, зоологию, физическую географию и прочее, а в летнее время ездил к себе в деревню, где, продолжая те же занятия, составлял гербарий. В то же время читал я публичные лекции в училище по истории географических открытий трех последних веков и написал учебник географии для юнкеров, которые относились ко мне с большой симпатией. Вставал я очень рано и почти все время, свободное от лекций, сидел за книгами, так как, подав прошение о назначении меня в Восточную Сибирь, уже наметил план своего будущего путешествия».

По вечерам, запершись в своей холостяцкой квартире среди карт и книг, Николай Михайлович мысленно уносился в великие просторы Центральной Азии, и перед его глазами мелькали хребты и равнины, леса и пустыни. Для географа, путешествующего по карте, многое открывается даже за письменным столом в тиши рабочего кабинета. И все же как поразительно непохожими на книжные описания оказались ландшафты Центральной Азии, когда впервые с ними познакомился русский путе-

шественник уже на месте. Для их описаний он нашел более простые, нужные и точные слова, и недаром говорят, что только после книг Пржевальского приоткрылась завеса над тайнами Центральной Азии. Но это было делом громадного труда, лишений, упорства, тщательной подготовки, блестящих талантов путешественника.

Н. М. Пржевальский ходатайствовал о переводе его в далекие области Сибири, где он намерен был заняться географическими исследованиями. Ему казалось, что таким образом удастся легче и проще осуществить свою мечту о путешествиях в Центральной Азии. Наконец, в конце 1866 года пришел приказ об удовлетворении прошения Пржевальского и командировании его для прохождения военной службы в Восточную Сибирь.

Будучи в Петербурге проездом, Николай Михайлович в Географическом обществе встретился с Петром Петровичем Семеновым-Тянь-Шанским, в то время председателем Отделения физической географии, позже вице-президентом Общества. Это знакомство оказало громадное влияние на будущее Пржевальского. О первой их встрече рассказал после смерти Пржевальского сам Петр Петрович в таких словах:

«В 1867 году я впервые познакомился с Н. М. Через мое посредство (я в то время был председателем Отделения физической географии) он обратился тогда в первый раз за помощью и покровительством к Русскому Географическому обществу, объяснив мне свои намерения заняться путешествием в Средней Азии. В то время Общество крайне редко помогало материальными средствами молодым путешественникам, отправлявшимся в путешествие по собственной инициативе, может быть, потому, что такая инициатива проявлялась еще слишком редко, но от времени до времени оно снаряжало свои экспедиции, подбирая в состав их исключительно лиц, уже известных своими научными трудами и рекомендуемых организаторами экспедиций. Н. М. Пржевальский был в научном мире еще мало известной величиной, и дать пособие ему на его предприятие, а тем более организовать под его руководством целую экспедицию, Совет Общества не решился. В качестве председательствующего в Отделении и в глубокой уверенности, что из талантливого молодого человека может выйти замечательный путешественник, я, однако же, старался ободрить

Н. М. и теплым участием, и рекомендательными письмами... При этом я обещал Н. М., что если он на собственные средства сделает какие бы то ни было интересные поездки и исследования в Уссурийском крае, которыми докажет свою способность к путешествиям и географическим исследованиям, то, по возвращении из Сибири, он может надеяться на организацию со стороны Общества, под его руководством, более серьезной экспедиции в Среднюю Азию»¹.

С таким напутствием Петра Петровича едет Пржевальский в Сибирь. Впереди далекие просторы, манящие исследователя своей неизвестностью, влекущие красотою и выразительностью разнообразных, всегда живописных и неповторимых пейзажей. «Сибирь совсем меня поразила: дикость, ширь, свобода бесконечно мне понравились».

Перед молодым исследователем лежали сибирские земли. Сибирь была экзаменом, серьезным и ответственным. Здесь, в Сибири, предстояло найти ключи, открывающие входы в великие пустыни и загадочные горы «Восточной нагорной Азии».

Николаю Михайловичу в то время исполнилось только 28 лет. Но он был уверен в своих силах и оптимистически смотрел на будущее. Отправляясь на Уссури, путешественник был прекрасно подготовлен: «хорошо знал ботанику, орнитологию и прочее; при этом имел с собой большой запас разных книг»².

Так началась странническая жизнь «великого следопыта природы», продолжавшаяся с перерывами до самой его смерти.

С 1867 по 1888 год Николай Михайлович возглавлял пять больших экспедиций, продолжавшихся в общей сложности почти одиннадцать лет. За это время им пройдено 33 268 км, из которых 31 551 км приходится на че-

---

¹ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Речь, произнесенная на чрезвычайном собрании Русского Географического общества 9 ноября 1888 года. Сборник «Памяти Николая Михайловича Пржевальского». СПб., 1890, стр. 17.

² Автобиографический рассказ. Известия Всесоюзного Географического общества, т. 72, вып. 5—6, 1940, стр. 482.

тыре центральноазиатские путешествия. Вот список путешествий Н. М. Пржевальского.

1. Уссурийское — 1867—1869 годы.

2. Монгольское, или первое путешествие по Центральной Азии, — 1870—1873 годы (самое большое по длительности и протяженности, около 12 000 километров караванного пути).

3. Лобнорское и Джунгарское, или второе путешествие по Центральной Азии, — 1876—1877 годы (самое короткое по протяженности, немного более 4 000 километров).

4. Первое Тибетское, или третье путешествие по Центральной Азии, — 1879—1880 годы.

5. Второе Тибетское, или четвертое путешествие по Центральной Азии, — 1883—1885 годы.

Пятое путешествие по Центральной Азии осталось неосуществленным. Как известно, Н. М. Пржевальский скончался на пороге этого путешествия, дневник его хранит некоторые записи — с 24 августа по 5 октября 1888 года.

В этом списке Уссурийское путешествие стоит несколько особняком. О нем мало упоминалось раньше в статьях, посвященных деятельности путешественника, о нем скупно говорили биографы и популяризаторы Пржевальского. Между тем это замечательное по результатам исследование сделало имя Николая Михайловича широко известным России, и именно оно предопределило дальнейшую деятельность его в Центральной Азии.

Уссурийское путешествие было испытанием и проверкой сил и талантов Пржевальского. Уссурийский край оказался первым и важным этапом в жизни путешественника, после которого перед ним открылись заветные просторы Центральной Азии. Мечты превращались в действительность.

Его книга «Путешествие в Уссурийском крае» в момент выхода ее в свет не только для читающей публики, но и для географов явилась настоящим откровением. Она заставила обратить внимание русской общественности на далекий приморский район. Знакомые теперь и родные нам места на Дальнем Востоке: озеро Ханка, залив Посыет, Уссури — тогда были еще мало известны. Первыми подробными и достоверными сведениями об этих местах мы обязаны Пржевальскому. В то время Владиво-

сток представлял еще маленький поселок, вытянутый «на протяжении более версты по северному берегу бухты Золотой Рог, обширной, глубокой, со всех сторон обставленной горами и потому чрезвычайно удобной для стоянки судов...»¹. Материалы, собранные Николаем Михайловичем в уссурийском путешествии и положенные в основу его книги, поражают разнообразием вопросов, охваченных автором, и тщательной их разработкой. Уже в первом своем описании путешествий Пржевальский показал себя исследователем, владеющим оригинальной методикой полевых работ и умением делать обобщения и выводы.

Как в этом путешествии, так и во всех последующих, Николай Михайлович не ограничивался только описательным материалом, что характерно для путешественников прошлого столетия. Пржевальский в своих путешествиях прежде всего ученый географ, обладающий большими знаниями, прошедший хорошую школу, знакомый со всей научной литературой того времени. Отсюда влечение Пржевальского к точности описаний, к открытию причинности явлений, к обобщениям и выводам, к перспективным предложениям, если это касается вопросов хозяйства, быта, торговли... Все эти моменты в ученой деятельности Пржевальского уже открываются в книге «Путешествие в Уссурийском крае», и особенно они ярки в книге «Монголия и страна тангутов».

Блестяще выдержав экзамен путешественника и получив признание соотечественников, автор «Путешествия в Уссурийском крае» начал готовиться к поездке в Центральную Азию.

Мечта Пржевальского сбылась. В 1870 году Географическое общество командировало его в Монголию, Китай и Тибет. Эта экспедиция известна под названием Монгольского путешествия 1870—1873 годов. Начав путь от Кяхты, на границе Монголии и Восточной Сибири, Пржевальский прошел на Ургу (ныне Улан-Батор) через территорию современной Монгольской Народной Республики и вышел к Калгану и Пекину. Затем, пройдя прямо на запад через Ордос, Ала-шань, Гоби и горы Нань-шаня, Пржевальский посетил Цайдам и вышел

---

¹ Н. М. Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае. М., 1947, стр. 115.

в верховья Хуан-хэ и Янцзы и в Северный Тибет. Пробыв здесь некоторое время, Пржевальский затем пересек великую Гоби, центральную Монголию и вернулся в Кяхту. Первая экспедиция заняла почти три года, хотя на нее отпущены были очень скромные средства. В составе экспедиции было всего четыре человека, включая и самого Пржевальского. Все же Пржевальский решился на такое колоссальное путешествие, которое и сейчас, при современных средствах передвижения, являлось бы героическим.

Удивительное упорство проявила небольшая горстка путешественников в достижении цели. Холод, голод, зной, жажда, безденежье, болезни, нечеловеческая усталость не сломили духа Пржевальского. За период с 17 ноября 1870 года по 19 сентября 1873 года экспедиция прошла около 12 тысяч километров.

Пржевальский отмечает героизм своих помощников — М. А. Пыльцова и казаков Панфила Чебаева и Дондока Иринчинова — впоследствии спутника всех его экспедиций в Центральной Азии: «Мы с товарищем (т. е. М. А. Пыльцовым. — Э. М.) вскоре сблизились с этими добрыми людьми самой тесной дружбой и это был важный залог для успеха дела. В страшной дали от родины... мы жили родными братьями, вместе делили труды и опасности, горе и радости. И до гроба сохраню я благодарное воспоминание о своих спутниках, которые безграничной отвагой и преданностью делу обусловили как нельзя более весь успех экспедиции»¹.

Бывали очень тяжелые моменты в жизни небольшого отряда, когда, оборванные и истощенные в результате длительного и трудного пути, путешественники вынуждены были поворачивать обратно от близкой цели. Так было, когда в Северном Тибете важный тибетский вельможа Камбы-нанту пригласил Пржевальского в Лхасу и обещал всяческое содействие в пропуске экспедиции в столицу Тибета. Но не было средств продолжать путь. Запасы денег были на исходе, а желанная, доступная и близкая цель оказалась недоступной, далекой. «Хотя такой возврат был решен ранее, но мы все-таки с грустью покинули берега Янцзы-цзяна, зная, что не природа и не люди,

---

¹ Н. М. Пржевальский. Монголия и страна тангутов. М., 1946, стр. 178.

но только один недостаток средств помешал нам пробраться до столицы Тибета»¹.

Путешествие Пржевальского по Северному Тибету было полно лишений и трудностей. Тибет — холодная горная страна, расположенная на высоте 4—5 тысяч метров над уровнем моря. Кроме путешественников, на много километров кругом не было никого на этом суровом нагорье. Только дикие яки бродили по заснеженным пустыням Тибета.

Новый, 1873-й, год Пржевальский встречал в палатке на большой высоте, где было трудно даже дышать. В дневнике путешественника можно прочитать следующую запись:

«Еще ни разу в жизни не приходилось мне встречать Новый год в такой абсолютной пустыне, как та, в которой мы находимся. И как бы в гармонию ко всей обстановке, у нас не осталось решительно никаких запасов, кроме поганой дзамбы² и небольшого количества муки. Лишения страшные, но их необходимо пережить во имя великой цели экспедиции.

Да хватит нам сил и воли окончить вполне это славное дело — вот лучшее пожелание, которое мы приносим себе на Новый год.

Вчера вечером и сегодня мы с Пыльцовым много раз вспоминали родину, домашних и хотя мысленно могли перенестись туда, где покинуто все дорогое».

Научные результаты первой центральноазиатской экспедиции Пржевальского были обобщены им в двухтомном труде — «Монголия и страна тангутов». Первый том этого труда представляет собой описание путешествия, а второй том содержит обработку материалов по зоологии.

Эта книга привлекла внимание географов всего мира. «Монголия и страна тангутов» буквально полна открытий, каждая глава этой книги рассказывает о чем-либо новом, неизвестном в науке до Пржевальского.

Это не сухой научный отчет и не обычный дневник путешественника. В форме простого рассказа автор дает описание работ экспедиции, ее маршрутов, природы неизвестных ранее науке районов Центральной Азии, научных

¹ Н. М. Пржевальский. Монголия и страна тангутов. М., 1946, стр. 273.

² Поджаренные, истолченные зерна хлебных злаков.

достижений и открытий путешественников. Популярность изложения материала несколько не умаляет научных достоинств книги. Яркие картины своеобразной азиатской природы, особенности жизни, быта и хозяйства кочевых народов Центральной Азии показаны выпукло и четко, как они замечены глазом неторопливого наблюдательного ученого. Некоторые главы книги посвящены географической характеристике отдельных районов Центральной Азии — Ордоса, Ала-шаня, Гань-су, Цайдама, Северного Тибета и т. д.; другие главы представляют дневник путешествия с описанием работы и всевозможных путевых трудностей и приключений, в двух главах специально описываются народы Центральной Азии — монголы, тангуты (северные тибетцы) и дунгане.

Успех «Монголии и страны тангутов» был поразителен. О ее авторе заговорили многочисленные русские и иностранные газеты. В различных странах появились в печати переводы этой книги. Слава Пржевальского росла. А сам путешественник, скромный и трудолюбивый человек, уже опять готовился в далекий путь. Скоро он вновь отправился в Центральную Азию. Это путешествие, происходившее в 1876—1877 годах, известно под названием лобнорского. Из Кульджи Пржевальский прошел через Тянь-шань к Лоб-нору и в горы Алтын-таг, после чего возвратился в Кульджу и Зайсан, сделав еще пересечение Джунгарии до города Гучен.

Лобнорское, или второе центральноазиатское, путешествие Николай Михайлович считал мало удачным, незавершенным.

События в Западном Китае, охваченном войной, натянутость дипломатических отношений между царской Россией и Китаем, смерть горячо любимой матери Николая Михайловича, его болезнь — все, вместе взятое, заставило свернуть работы экспедиции и покинуть пределы Центральной Азии.

В первоначальные планы второй центральноазиатской экспедиции входило изучение Лоб-нора и Тибета, посещение Лхасы и берегов Брамипутры. В 1877 году, когда вспыхнула русско-турецкая война, Пржевальский был в горах Восточного Тянь-шаня. Как солдат, он ждал указания, куда следовать. Очень хотелось ехать в Тибет, как предполагалось по плану, но родина звала в полк, в его боевые ряды. В дневнике от 1 июня 1877 года Пржеваль-

ский писал: «В подобную минуту честь требует оставить на время мирное путешествие и стать в ряды сражающихся. Послезавтра пошлю об этом телеграмму в Петербург. Не знаю, какой получу ответ. Куда придется ехать? На Дунай или на Брамипутру? Хорош контраст!»¹.

Здоровье Пржевальского в экспедиции пошатнулось. Уже в записях от 15 июня 1877 года он жалуется на то, что у него болит горло и правый бок. «Кроме того, я сильно похудел: нравственные волнения во время лобнорской экспедиции и на Балгантай-голе, голодовки и пешеходный путь на Кунгесе, наконец постоянная работа — все это сильно отозвалось на моем здоровье. Хватит ли его, чтобы успешно совершить тибетскую экспедицию?»².

В 1877 году у Пржевальского началась еще одна болезнь, зуд кожи. Он пишет об этом в дневнике, как о кошмаре: «Холода стояли страшные, пять суток сряду ртуть в термометре замерзала. В юрте ночью без огня мороз доходил до -26° . И на таком морозе в грязи приходилось проводить ночи наполовину без сна. Мерзлой мазью, в темноте и морозе 5—6 раз в ночь нужно было мазаться. Бррр!.. противно вспомнить о таких тяжелых временах»³.

И все же Пржевальский не оставил своих исследований, он регулярно вел дневник, делал записи метеорологических наблюдений, работал много и неутомимо, удивляя всех своей выдержкой.

Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, экспедиция явилась большим шагом вперед в деле исследования внутренней Азии. «Бассейн Лоб-нора, столь долго и упорно остававшийся в неведении, открылся, наконец, для науки»⁴, — писал Пржевальский.

Даже тогда, когда уже было принято решение о прекращении экспедиции, Пржевальский с удивительной жизнерадостностью и оптимизмом смотрит в будущее.

«31 марта, — пишет он, — [1878 г.] перешли из Кендерлыка в Зайсанский пост с тем, чтобы отсюда ехать в Петербург. Верблюды и все экспедиционные запасы оста-

---

¹ Н. М. Пржевальский. От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор. М., 1947, стр. 3—4.

² Там же, стр. 5—6.

³ Там же, стр. 117.

⁴ Там же, стр. 24.

нутя на хранение в Зайсане. Рассчитываю вернуться сюда к будущей весне и тогда с новыми силами и новым счастьем предпринять новую экспедицию...

Прощай же, моя счастливая жизнь, но прощай ненадолго! Пройдет год, уладятся недоразумения с Китаем, поправится мое здоровье, и тогда я снова возьму страннический посох и снова направлюсь в азиатские пустыни...»¹.

Открытия и исследования, сделанные Пржевальским во время лобнорского путешествия, вызвали массу откликов в России и за границей. Они упрочили славу Николая Михайловича как исследователя Азии.

Одним из важнейших достижений лобнорской экспедиции явилось открытие и описание озера Лоб-нора, на берегах которого Пржевальский был первым европейским ученым-путешественником. Не менее важно открытие и описание громадной горной цепи Алтын-таг. Это открытие определило границу Тибетского нагорья, которое простирается на 300 километров далее на север, чем это предполагалось до путешествия Пржевальского.

Пржевальский сделал маршрутные съемки низовьев Тарима, озера Лоб-нора и хребта Алтын-таг, определил их географические координаты.

Среди собранных экспедицией коллекций по зоологии и ботанике важнейшими экспонатами были шкуры диких верблюдов, впервые вывезенные из Центральной Азии.

Метеорологические наблюдения Пржевальского впервые позволили судить о климате бассейна Тарима и о климате восточной части Кашгарии и Алтын-тага.

Этнографические наблюдения над лобнорцами (каракурчинцами) и таримцами дали интереснейший материал о быте, жизни и антропологическом типе этих азиатских племен.

Уже одно это перечисленное говорит о богатейших результатах путешествия Пржевальского на Лоб-нор. Опубликование краткого отчета в «Известиях Географического общества» и выступление с докладами вызвало широчайший отклик у научной общественности. Как раз в этот период Н. М. Пржевальский избирается почетным членом Академии наук и Ботанического сада. К своему

---

¹ Н. М. Пржевальский. От Кульджи за Тянь-шань и на Лоб-нор. М., 1947, стр. 127—128.

пятидесятилетню Берлинское Географическое общество учреждает Большую золотую медаль имени Александра Гумбольдта. Первым, кто удостоился этой медали, был Н. М. Пржевальский, получивший ее за совокупность исследований Центральной Азии, т. е. за монгольское и лобнорское путешествия.

Отчет о лобнорском путешествии был переведен на немецкий и английский языки. Таким образом, результаты лобнорского путешествия Пржевальского очень быстро стали известны во всем мире.

В 1879—1880 годах Н. М. Пржевальский совершил третье центральноазиатское путешествие, которое он сам назвал первым тибетским путешествием и которое было организовано им вскоре после возвращения из лобнорской экспедиции.

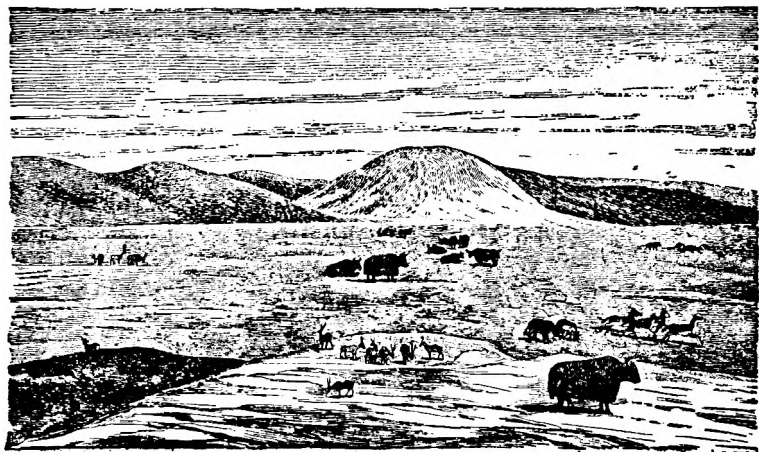
Тибет манит исследователя своей неизвестностью.

21 марта 1879 года из того же Зайсанского поста вновь выходит экспедиция Пржевальского, направляясь в Центральную Азию. Длинной цепочкой тянется караван, состоящий из 35 верблюдов и 5 верховых лошадей. Мерная поступь, неторопливый ход, изредка слышится недовольный рев верблюда, и опять тишина и безмолвие.

Третье путешествие Пржевальского в Центральную Азию является одним из самых интересных и плодотворных по своим результатам. Пржевальский начал свой путь из Зайсана, прошел через Джунгарию в город Хами в восточном Тянь-шане, пересек новым маршрутом горы Нань-шаня и впадину Цайдам, проник в глубь Тибета за хребет Танла до горы Бумза, расположенной севернее верховьев Салуэна. Отсюда путешественник повернул на север и вновь через горы Нань-шань, озеро Куку-нор и Гоби возвратился в Ургу и Кяхту.

К главнейшим научным результатам третьего путешествия следует отнести съемку на карту более 8 тысяч километров пути по новым, неизвестным районам. Эта съемка опиралась на астрономические и гипсометрические пункты, определенные Пржевальским.

В течение всего времени путешествия три раза в день проводились метеорологические наблюдения, давшие ценнейший материал о климате Центральной Азии. Именно на основании этих исследований Пржевальский ставит вопрос о границах воздействия индийских муссонов в Во-

Северный Тибет.

Рис. В. И. Роборовского

сточном Тибете, об образовании сильных и тяжелых центрально-азиатских бурь, их воздействии на изменение рельефа местности.

Пржевальским был открыт ряд новых горных хребтов в Северном Тибете, пройден тибетский хребет Танла (Тангла) и найден путь к Лхасе, к которой путешественник ближе всего подошел именно в этой экспедиции.

Плодотворны были сборы растений и животных. Пржевальским был открыт ряд видов, не известных до этого в науке. В числе них — дикая лошадь, получившая название лошади Пржевальского. Большую научную ценность представляют записки Пржевальского о перелете птиц, о жизни животных в условиях Центральной Азии и Тибета, по экологии растений.

Третья центральноазиатская экспедиция нелегко далась Пржевальскому и его спутникам. Не говоря уже о тяжести путешествия в пустынях Гоби и в Тибете, обстоятельства осложнились неблагоприятно в результате упорного нежелания местных властей допустить экспедицию в Южный Тибет и в Лхасу. Какие только хитрости и угрозы они ни применяли! Но Пржевальскому благодаря его непреклонной воле, решимости, находчивости и бесстрашию все же удалось проникнуть

в Центральный Тибет и дойти почти до хребта Ниенчин-танла.

Пржевальский шел без проводников, нередко сбиваясь с пути. Он отыскивал правильную дорогу и вновь терял ее. В пустынях, редко населенных горах Северного Тибета нелегко было ориентироваться. Тропинки часто пропадают, а неправильный путь приводит в тупиковое ущелье, откуда невозможно перевалить через высокие и труднодоступные горы Нань-шаня или Тибета. Испытывались затруднения с продовольствием, топливом, особенно с кормами для животных. От бескормицы и холодов один за другим гибли верблюды. Голодные животные съели седла, набитые соломой, и путешественники вынуждены были набивать их волосами дикого яка.

Уйдя холодной, суровой зимой в пустыни Тибета, населенные воинственными тангутскими племенами, Пржевальский надолго исчез из поля зрения китайской администрации. Подвергшись нападению тангутов, экспедиция пробилась через их окружение и невредимой проникла в Центральный Тибет.

Пока шли трудные экспедиционные будни, в Пекине пронесся слух об исчезновении Пржевальского, о его гибели. Слух этот распространялся очень быстро, и уже вскоре русская столичная печать сообщила о смерти путешественника. Газета «Голос» призывала отправиться на поиски Пржевальского и возмущалась, что «Ливингстона искали, Пайера¹ искали, Норденшельда искали, а Пржевальского никто искать и не думает».

За границей также интересовались судьбой нашего исследователя. От путешественника Сечени, вернувшегося из Китая, стало известно, что с Пржевальским что-то неладно. Газеты писали, что весь конвой разбежался, что Пржевальский ограблен и так оставлен в пустынях Тибета, где ему грозила верная смерть; наконец, сообщалось, что он убит.

Между тем, Пржевальский продолжал свое дело; он стоически преодолевал трудности, поставленные ему природой и людьми, расширяя территорию своих исследований. Коллекции его росли, заполнялись дневники, куда

---

¹ Юлиус Пайер — путешественник, исследователь Арктики, его экспедиция была спасена на Новой Земле русскими зверопромышленниками.

путешественник ежедневно и аккуратно своим размашистым и крупным почерком вносил все виденное и замеченное.

После третьего путешествия в Центральную Азию в 1883 году вышла книга Н. М. Пржевальского «Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки». Эта книга имела огромный успех, в России ею зачитывались все, а через год она появилась в переводах за границей.

Приведем отрывок из этой книги Пржевальского:

«Перенеситесь теперь, читатель, мысленно в центральноазиатскую пустыню к нашему бивуаку и проведите с нами одни сутки, — тогда вы будете иметь полное понятие о нашей походной жизни во все время путешествия.

Ночь. Караван наш приютился возле небольшого ключа в пустыне. Две палатки стоят недалеко друг от друга; между ними помещается вьючный багаж, возле которого попарно спят казаки. Впереди уложены верблюды и привязана кучка баранов; несколько в стороне наарканены верховые лошади. Утомившись днем, все отдыхают. Только изредка всхрапнет лошадь, тяжело вздохнет верблюд или бредит сонный человек...

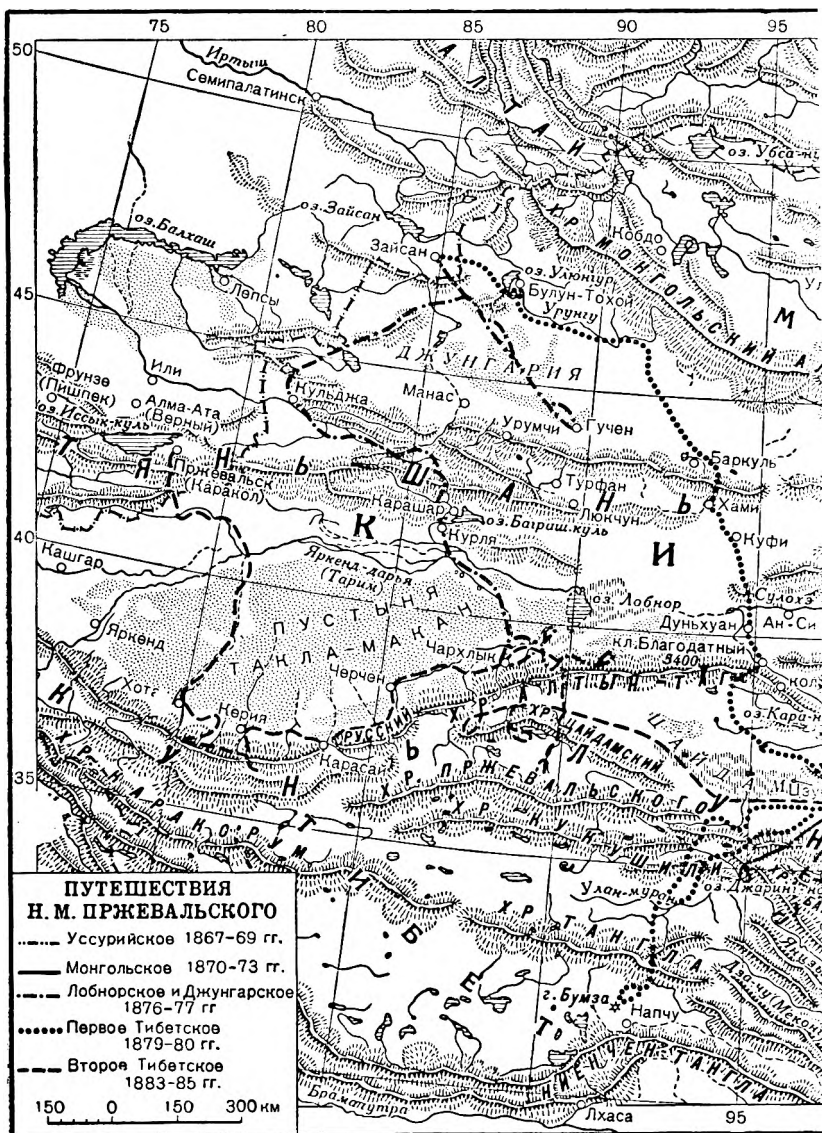
В сухой, прозрачной атмосфере ярко, словно алмазы, мерцают бесчисленные звезды; созвездия резко бросаются в глаза; Млечный путь отликает фосфористым светом; там и сям промелькнет по небу падучая звезда и исчезнет бесследно... А кругом дикая, необъятная пустыня. Ни один звук не нарушает там ночной тишины. Словно в этих сыпучих песках и в этих безграничных равнинах нет ни одного живого существа...

Но вот забрезжила заря на востоке. Встает дежурный казак и прежде всего вешает в стороне на железном треножнике термометр; затем разводит огонь и варит чай»¹.

Прекрасны описание пустыни Ала-шань или общая характеристика Тибета, написанная в виде пролога к главе девятой: «Грандиозна природа Азии, проявляющаяся то в виде бесконечных лесов и тундр Сибири, то безводных пустынь Гоби, то громадных горных хребтов

---

¹ Н. М. Пржевальский. Из Зайсана через Хами в Тибет, М., Географгиз, 1948, стр. 56.

Маршруты экспедиции

внутри материка и тысячеверстных рек, стекающих отсюда во все стороны...»¹.

Как в этом, так и в предыдущих отчетах Пржевальского много интересного о научных работах, о походной жизни, о населении, о жизни растений и животных, о различных явлениях природы. Но как мало в отчетах Пржевальского о самом себе, о своих настроениях, о привязанностях, о своих думах! Интимного у Пржевальского в дневниках и отчетах нет! Поэтому так скупы многочисленные биографии, написанные с упором больше на освещение путешествий, чем личности самого путешественника.

Редко-редко, когда Николай Михайлович скажет о себе и при этом как бы просит прощения у читателя за свою нескромность: «В заключение, да позволено мне будет еще раз вернуться к своим личным впечатлениям.

Грустное, тоскливое чувство всегда овладевает мною, лишь только пройдут первые порывы радостей по возвращении на родину. И чем далее бежит время среди обыденной жизни, тем более и более растет эта тоска, словно в далеких пустынях Азии покинуто что-либо незабвенное, дорогое, чего не найти в Европе... Притом самое дело путешествия для человека, искренно ему преданного, представляет величайшую заманчивость ежедневной сменой впечатлений, обилием новизны, сознанием пользы для науки. Трудности же физические, раз они миновали, легко забываются и только еще сильнее оттеняют в воспоминаниях радостные минуты удач и счастья.

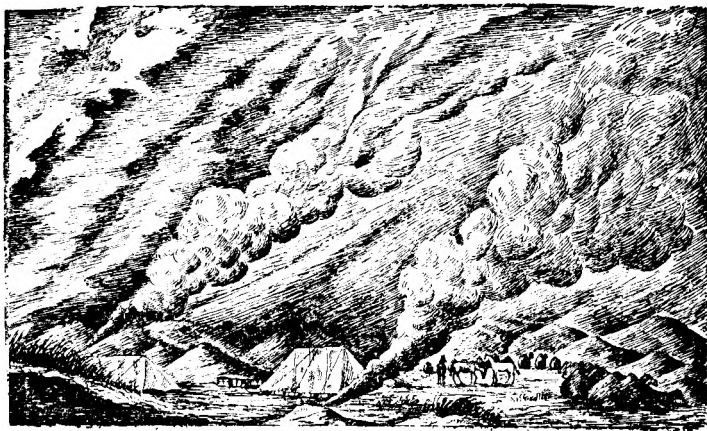
Вот почему истому путешественнику невозможно позабыть о своих странствованиях даже при самых лучших условиях дальнейшего существования. День и ночь неминуемо будут ему грезиться картины счастливого прошлого и манить: променять вновь удобства и покой цивилизованной обстановки на трудовую, по временам неприветливую, но зато свободную и славную странническую жизнь»².

Трудно представить себе Пржевальского вне его путешествий, вне его научных работ в Центральной Азии; ведь для него время между экспедициями было только необходимым перерывом, который нужно было исполь-

---

¹ «Из Зайсана через Хами в Тибет». М., 1948, стр. 147.

² Там же, стр. 364.

Буря в пустыне.

Рис. В. И. Роборовского

зовать для обработки привезенного научного материала, для написания полного отчета, для составления и утверждения нового плана работ опять в Центральной Азии.

Все путешествия Пржевальского — подвиг! Удивительный подвиг, вернее, целая цепь подвигов, совершенных русским человеком.

Не успела просохнуть типографская краска на последних листах книги «Из Зайсана через Хами в Тибет», как Пржевальский вновь отправился в путь, опять в Центральную Азию.

Это было четвертое путешествие в Центральную Азию, которое Пржевальский совершил в 1883—1885 годах: ему было уже 45 лет; он выступал как опытный путешественник, известность и слава которого были признаны во всем мире.

Второе тибетское, или четвертое, путешествие Николая Михайловича в Центральную Азию продолжалось два года — с 21 октября (2 ноября) 1883 года по 29 октября (10 ноября) 1885 года. За это время экспедиция прошла на верблюдах и лошадях громадный путь в 7815 километров. Выйдя из Кяхты, Пржевальский хорошо известной ему дорогой прошел через Монголию к Куку-нору, откуда сделал большой кольцевой маршрут к истокам Желтой реки и к Янцзы. Далее он пересек

Цайдам и Алтын-таг, вышел к Лоб-нору, прошел вдоль Алтын-тага, сделал меридиональное пересечение пустыни Такла-макан и через Тянь-шань вышел к Караколу (ныне Пржевальск). Основные цели этого путешествия заключались в исследовании истоков Хуан-хэ, Алтын-тага и географическом изучении территории Кашгарии. Это подчеркивал и сам путешественник, когда называл отчет по четвертому путешествию: «От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима».

В истоках Хуан-хэ Пржевальский открыл и описал два больших озера: Джарин-нур и Орин-нур, которым он дал названия: «Русское» и «Экспедиции».

Богато географическими открытиями это путешествие по северной окраине Тибета. Здесь путешественник обнаружил высокую сложную горную страну, где открыл и назвал ряд хребтов и вершин русскими именами. Именно в результате этого путешествия и появились названия, ставшие сейчас обычными на картах Центральной Азии: хребет Русский, хребет Московский с горой Кремль, гора Шапка Мономаха, озеро Незамерзающее, хребет Загадочный, назанный по решению Русского Географического общества хребтом Пржевальского.

Спустившись с Алтын-тага, Пржевальский пошел к Лоб-нору, этому любопытному кочующему водоему, открытому им еще в 1876 году.

С берегов Лоб-нора опять новый путь: река Черчен, предгорья Алтын-тага, цветущие оазисы Восточного Туркестана: Ния, Кэрия, знаменитый древний Хотан.

Программа работ Пржевальского во втором тибетском путешествии оставалась прежней. Она заключалась в маршрутной съемке, определении астрономических пунктов, к которым привязывалась съемка. Барометрические измерения по маршруту позволяли выяснить гипсометрию района путешествия. Регулярные метеорологические наблюдения Пржевальского расширили наши познания климата Центральной Азии, а по ряду мест дали совершенно новый материал. Пополнялись также коллекции русских музеев редчайшими экземплярами животных и растений.

Этнографические наблюдения, изучение населения, его хозяйства, быта, занимавшие в прошлых путешествиях Пржевальского небольшое место, в данном

путешествии проводились довольно широко. Этому способствовал маршрут экспедиции по Восточному Туркестану, в ряде мест которого встречались многолюдные и густонаселенные оазисы. Пржевальский с большой симпатией пишет о трудолюбивом земледельческом населении, поработанном феодальными и военными администраторами, ростовщиками.

Триумф ожидал Пржевальского на родине, когда он возвратился из Тибета и Восточного Туркестана. Не отдыхая после тяжелого путешествия, Пржевальский упорно работает над анализом собранных материалов, над составлением отчета о четвертом центральноазиатском путешествии.

В июне 1888 года Пржевальский подписал предисловие к книге «От Кяхты на истоки Желтой реки», а 5 августа того же года отправился в новую экспедицию. Глубоко преданный делу науки, делу исследования Центральной Азии, Пржевальский торопился. Но скоро не стало неутомимого путешественника. Болезнь сломила его. В ее течении и печальном исходе сказалась тяжесть путешествий в высоком нагорье Тибета и пустынях Центральной Азии.

* *
*

Обратимся к научным результатам путешествий Н. М. Пржевальского: они разнообразны и глубоки. Трудно назвать хотя бы одну отрасль географии, для которой Пржевальский не дал бы нового, существенно дополняющего или в корне меняющего старое, господствовавшее до него в науке представление.

Главной своей задачей Пржевальский считал изучение природы. И в этой области у него сделано особенно много. Необходимо выделить следующие разделы физической географии, представленные в трудах великого географа: орография и гидрография, климат, растительность, животный мир. Трудно сказать, в какую из этих отраслей знания Пржевальский более всего внес нового. В каждой из них Пржевальский оказался тонким наблюдателем, создателем замечательных коллекций, а также аналитиком, давшим объяснение многим явлениям природы.

Исследования Н. М. Пржевальского по физической географии «Внутренней высокой Азии» привели к пора-

зительным результатам, буквально сделавшим переворот в науке того времени. Громадные пространства Центральной Азии были охвачены маршрутами его экспедиций. Почти на всем протяжении этих маршрутов Пржевальский проводил съемки местности, давал географическое описание пройденных территорий, сделал определения абсолютных высот 231 пункта, 63 астрономических пунктов, составил карты, дал характеристику форм рельефа, рек и озер, а главное, всех ландшафтов в целом. Последнее следует особенно подчеркнуть, ибо Пржевальский так и понимал задачу географа — дать картину природы посещаемых районов в тесной взаимосвязи всех ее звеньев.

Пржевальским сделано первое подробное описание великой центральноазиатской пустыни Гоби, пустынь Ордоса, Алашаня, Джунгарии и Кашгарии. Пржевальский показал, что Гобийская пустыня не является поднятием, вздутием. По отношению к высочайшим окружающим горам она скорее напоминает громадную чашу с неровным дном, на котором песков не так уж много, больше преобладают каменистые и глинистые пустыни. Пржевальский установил, что северная граница Тибетского нагорья в действительности на 300 километров севернее, чем предполагали до него, что направление центральноазиатских хребтов по преимуществу широтное, что великий немецкий географ Гумбольдт глубоко ошибался, теоретически допуская решетку взаимно перекрещивающихся горных цепей.

Поразительные открытия сделаны Пржевальским в Северном Тибете, где впервые им были посещены и описаны громадные хребты системы Куэнь-луня. Нань-шань у Пржевальского не один хребет, а система хребтов. Географические названия, знакомые и привычные для нас по современным картам Центральной Азии, впервые введены Николаем Михайловичем. Высочайшие хребты Бурхан-Будда, Гумбольдта, Риттера, Колумба, Пржевальского, хребты Московский, Цайдамский и другие — все это открытия Пржевальского.

Пржевальский достиг верховьев великих китайских рек Янцзы-цзяна и Хуан-хэ, он дал описание самой крупной реки Центральной Азии, Тарима. В отчетах Николая Михайловича приводятся обстоятельные описания озер, хребтов, гор, рек, пустынь. Только после его работ сведе-

ния о Центральной Азии приобретают научную основу и достоверность.

Исключительно ценными оказались результаты регулярных метеорологических наблюдений Пржевальского, которые он вел с большой тщательностью.

Метеорологические наблюдения Н. М. Пржевальского обрабатывал корифей климатологии, русский путешественник и географ Александр Иванович Воейков (1846—1916).

Воейкова, как разностороннего ученого, очень интересовала Центральная Азия, ее климат. Он высоко ценил материал по климатологии Центральной Азии, собранный Пржевальским. В своей замечательной речи на чрезвычайном собрании Русского Географического общества 9(21) ноября 1888 года, посвященном памяти Н. М. Пржевальского, Воейков в последних словах дал высокую оценку работ Пржевальского по климату: «Для оценки сделанного Пржевальским для увеличения наших знаний о климате Азии замечу следующее: пока продолжались его путешествия, просвещеннейшие и богатейшие страны Западной Европы соперничали в изучении Африки. Конечно, и изучению климата этой части света было уделено место, но наши знания о климате Африки подвинулись менее трудами этих многочисленных путешественников, чем наши знания о климате Центральной Азии сведениями, собранными одними четырьмя экспедициями Н. М. Пржевальского»¹.

На основании своих наблюдений Пржевальский пришел к выводу о разнообразии природы Нань-шаня, о далеком влиянии китайского муссона на его восточную часть. Сколько интересного фактического материала содержат метеорологические наблюдения Николая Михайловича! Здесь и поразительные амплитуды суточных температур в Гоби, где весной они превышают 30°; здесь зафиксирован зной Такла-макана, горячие ветры Восточного Туркестана, холод Северного Тибета и дожди восточной его части. Ветры — эти «носители погоды» — также не проходят мимо внимания путешественника. Он тщательно записывает направление ветров, их повторяемость и скорость. Эти наблюдения помогли разо-

¹ Памяти Николая Михайловича Пржевальского. Издание Русского Географического общества. СПб., 1890. Речь ординарного профессора А. И. Воейкова, стр. 50.

браться в общей схеме циркуляции атмосферы и позволили сделать вывод о значении китайских и индийских муссонов и большого влияния западных ветров, наиболее характерных для средних широт северного полушария вообще.

Растительность играет громадную роль в понимании географического ландшафта и вместе с рельефом определяет его внешний облик. Так, если речь идет о тундре, тайге, пустыне, то у нас прежде всего возникает представление о характере растительного покрова.

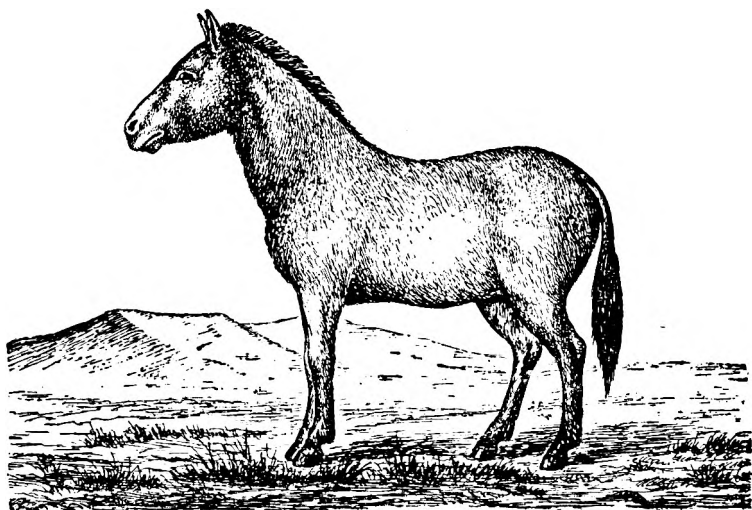
Еще во время своей уссурийской экспедиции Николай Михайлович собрал небольшой гербарий, который и предоставил в распоряжение академика К. И. Максимовича, в то время лучшего знатока флоры Восточной Азии.

Из Центральной Азии Пржевальский привез громадный гербарий в количестве 15—16 тысяч растений, которые составляли 1700 видов, описанных в ряде выпусков «Научных результатов путешествий Н. М. Пржевальского по Центральной Азии». Помимо этого, в своих отчетах Пржевальский приводит списки встречаемых им растений и, что особенно интересно географу, условия их распространения, приуроченность к тем или иным физико-географическим районам, высотам, экспозициям горных склонов и так далее.

Значение трудов Пржевальского в изучении растительности Центральной Азии станет ясным, если сказать, что эта громадная область до него почти не была затронута ботаническими исследованиями.

Среди громадного гербария, привезенного Пржевальским, оказались растения-уникумы. В интересах сохранения первенства за Пржевальским ботаники спешили с обработкой и описанием растений, привезенных им из далеких стран. Бюллетень Академии наук печатал эти описания по мере окончания отдельных этапов работ. В бюллетене было описано 218 новых видов, совершенно неизвестных до того времени науке. Эти виды состояли из 173 тибетских и 44 монгольских растений. Выявление и описание нового рода — редкость в систематике растений или животных; в современный период выделение нового рода — целое событие в науке. А среди растений, собранных Пржевальским, было найдено семь новых родов! ¹.

¹ См. А. В. Зеленин. Путешествия Н. М. Пржевальского, т. 2, СПб., 1900, стр. 469.

Лошадь Пржевальского.

Рис. В. И. Роборовского

Ботанические материалы Николая Михайловича дали многое не только флористам и систематикам; они дали возможность судить об истории развития растительности Центральной Азии, тем самым отвечая на интересные вопросы палеогеографии этой страны.

Особенно много сделано Пржевальским в области зоологии. Будучи страстным охотником, обладая в этом деле богатым опытом, высоким мастерством, смелостью и отвагой, Николай Михайлович методично и упорно собирал зоологические коллекции, главным образом млекопитающих и птиц. Последних он особенно любил и был в этой области большим знатоком. Количество привезенных Пржевальским экземпляров зверей, птиц и других видов животных исчисляется тысячами. Млекопитающих оказалось 702 экземпляра, птиц — 5 010, пресмыкающихся и земноводных, главным образом ящериц — до 1 200 экземпляров, рыб — 643. Насекомых Николай Михайлович собрал небольшую коллекцию во время своего первого и четвертого путешествий, когда его специально попросил об этом Семенов-Тянь-Шанский.

В громадной зоологической коллекции Пржевальского оказались десятки новых видов, до того неизвестных науке. Открытие и добыча дикого верблюда и дикой лошади (лошади Пржевальского) явились выдающимся событием в зоологии второй половины XIX века.

Не менее ценными, чем сборы коллекций, являются записи наблюдений путешественника над жизнью животных, условиями их обитания, средой. Сколько нового и интересного записано в его отчетах по этим вопросам! Перелеты птиц, условия жизни и повадки диких яков, верблюдов, различных антилоп, горных баранов — все это находит отражение в дневниках и книгах Пржевальского.

*   *
*

О значении некоторых географических исследований Пржевальского можно судить по откликам, которые получила в России и за рубежом загадка легендарного кочующего озера Лоб-нор. Пример с Лоб-нором весьма показателен, почему на нем следует вкратце остановиться.

Работы Пржевальского на Тариме положили начало длительной и оживленной полемике.

Вскоре после путешествия Пржевальского известный немецкий геолог и географ Ф. Рихтгофен высказал мнение, что Пржевальский описал не Лоб-нор, а какое-то другое озеро.

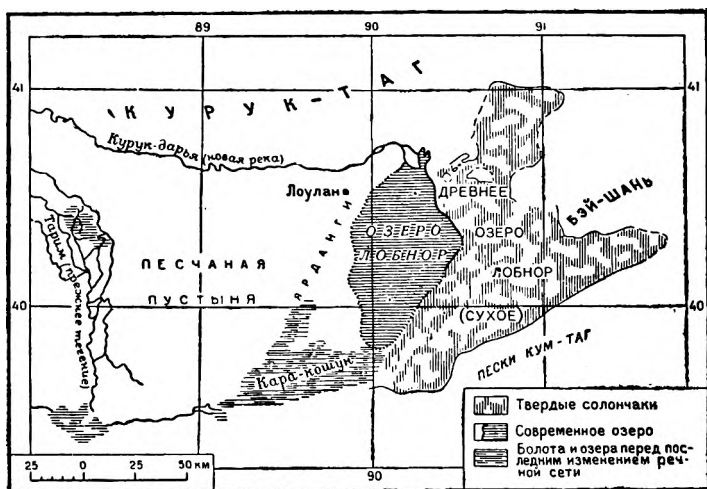
Рихтгофен сослался при этом на данные китайской географии¹, согласно которым истинный Лоб-нор должен быть в другом месте, а не там, где нашел его Пржевальский и определил его координаты. По данным старинных китайских карт Лоб-нор находится севернее и имеет соленую воду, а не пресную, как отмечает наш путешественник².

Пржевальский ответил на возражения небольшой заметкой: «Несколько слов по поводу замечаний барона Рихтгофена на статью «От Кульджи за Тянь-Шань и на

---

¹ Главнейшим таким китайским источником по географии Западного Китая является книга «Си-юй-Шуй-Дао-цзи» в извлечении «О бассейне Лоб-нора», переведенная В. М. Успенским и напечатанная в Записках Русского Географического общества по отделению этнографии, т. VI, СПб., 1880, стр. 93—150.

² Позже П. К. Козлов показал, что вода в Лоб-норе пресная только у устья Тарима, далее она постепенно засоляется.

Район озера Лоб-нор на современных картах.
Лоб-нор, открытый Н. М. Пржевальским, лежал на месте болот и солончаков Кара-кошуна.

Лоб-нор»¹. В этой заметке Пржевальский сомневается в точности древних карт, ведь они весьма несовершенны и часто грешат крупнейшими ошибками. К тому же не заметно никаких протоков, идущих от Тарима на восток и питающих древний Лоб-нор китайских карт. Ничего о северном озере не знает и местное население.

Так возник спор о Лоб-норе, спор, который получил удовлетворительное решение только в XX веке.

Лобнорская проблема в течение долгого времени не сходила со страниц печати, даже после смерти Пржевальского. Еще не так давно вновь возвратился к ней П. К. Козлов, когда на страницах Известий Государственного Географического общества опубликовал свою статью «Кочующие реки Центральной Азии»².

В чем же сущность проблемы Лоб-нора и как она разрешена в наши дни, через 70 лет после первого посещения озера Пржевальским?

Ныне уже общеизвестно, что в Средней, Центральной и Восточной Азии реки «кочуют» на равнинах. Примером

¹ Известия Русского Географического общества за 1879 г., т. 15, вып. 1, СПб., 1880, стр. 1—6.

² Том 67, вып. 5, Л., 1935, стр. 599—601.

таких изменений течения может служить великая китайская река Хуан-хэ на Восточно-китайской равнине, Амударья в своих низовьях, нижнее течение реки Эдзингол. На отмершем рукаве последней в давние времена процветал ныне мертвый город Хара-хото, открытый П. К. Козловым.

У Тарима есть крупный левый приток Конче-дарья, вытекающий из тяньшанского озера Баграч.

У Конче-дарьи, у места поворота ее на юг к слиянию с Таримом, лежало сухое, но отчетливое русло, которое местные жители называли Кум-дарья, или Курук-дарья, что в переводе значит «песчаная или сухая река».

Древнее русло Конче-дарьи видел сухим еще в самом конце прошлого столетия П. К. Козлов.

Курук-дарья некогда обладала водой, она была живой рекой, несущей жизнь пустыне, и было это не так давно, в исторические времена. Иначе как же объяснить наличие хорошо сохранившихся и засыпаемых песками остатков тополей, растущих в пустыне Лоб только у берегов рек, в их разливах.

В 1923 г. произошло возвращение Конче-дарьи в старое сухое русло. Великое событие в пустыне — новая река. Вода устремляется в старое мертвое ложе, заполняет его, уходит все дальше в пустыню. Сухие земля и песок жадно впитывают живительную влагу, появляется новая растительность, и вот уже щебетание первых птиц оглашает еще вчера мертвые пространства.

В изменениях гидрографической сети Тарима и Конче-дарьи — ключ разгадки Лоб-нора, разгадки, подсказанной самой природой. Пржевальский был совершенно прав, когда утверждал, что он открыл, описал и правильно определил координаты Лоб-нора. Лоб-нор оказался кочующим водоемом, ибо он полностью зависит от положения рек, снабжающих его водой.

На китайских картах озеро было изображено в северной части пустынной впадины Лоб, но затем гидрографическая сеть изменилась, главные потоки устремились на юг. Исчезло древнее озеро Лоб-нор, на его месте остались солончаки, небольшие блюдца озерков, глинистые поверхности — такры. Возникло новое озеро на юге, где открыл и описал его Пржевальский. Но в 1923 году вновь произошло резкое изменение в дельте Тарима и Конче-дарьи. Воды последней ушли на восток по древним

забытым путям. Лоб-нор Пржевальского стал мелеть, дно его все более обнажаться, вода в отдельных котловинках засоляться. Озеро разбилось на ряд изолированных небольших водоемов, солончаки сильно увеличились по площади. На севере вновь возродился Лоб-нор китайских карт. Возрождение его происходило на наших глазах, и сейчас его воды оживляют пустыни там, где оно существовало много столетий назад, т. е. на северо-востоке от Лоб-нора, открытого Пржевальским.

География земного шара знает немного примеров миграции озер, из них Лоб-нор и его история наиболее интересны как по масштабам изменений, так и по специфичности физико-географических условий Кашгарии, одной из самых пустынных областей нашей планеты.

*   *

*

Пржевальскому ставили в упрек, что он мало сделал по изучению геологии тех районов, которые он исследовал. Но и для познания геологии Центральной Азии Николай Михайлович сделал многое. Можно смело говорить о значительном вкладе его и в эту науку, ибо все, что сделано им, было абсолютно новым. Он собирал коллекции горных пород, многократно описывал состав слагающих горы отложений, намечал историю образования отдельных районов.

Чувствуя все же, что он мог бы больше сделать в области изучения геологии Центральной Азии, Пржевальский, уже будучи известным путешественником, обратился к крупнейшему русскому геологу конца прошлого столетия И. В. Мушкетову с просьбой преподать ему несколько уроков по геологии и методике геологических исследований в поле.

Уроки Мушкетова пошли на пользу Пржевальскому. В этом отношении особенно интересно его второе тибетское путешествие. В отчете Пржевальского об этом путешествии можно найти указания на состав пород, слагающих горы, или на деятельность геологических агентов, видоизменяющих внешний облик земной коры.

В свое время писали, что в работах Пржевальского недостаточно дано этнографических материалов. Николай Михайлович говорил, что главной его целью были географические исследования, изучение природы. Этнографические же наблюдения он мог выполнять только урывками

потому, что большая часть его маршрутов проходила по незаселенным, пустынным или высокогорным районам Тибета. Например, в книге «Путешествие в Уссурийском крае» Пржевальский уделил большое внимание описанию народов Дальнего Востока. Во всех других его путешествиях по Центральной Азии описание населения исследуемых районов, его деятельности, быта занимают хотя и подчиненное, но все же большое место.

Николай Михайлович хорошо относился к местному населению. Он не раз с симпатией пишет о монголах-кочевниках, в которых видит гостеприимных, простых людей, полных доброжелательства и любознательности; он отмечает трудолюбие китайских крестьян.

Подчас, при появлении экспедиции Пржевальского местное население было настроено чиновниками предубежденно, сторонилось русских и выжидательно наблюдало за их действиями. Но очень скоро местные жители убеждались, что им не грозит ничего плохого, наоборот, русские относятся к ним дружелюбно и искренне. Когда во время четвертого путешествия в Центральную Азию Пржевальский вновь пришел к Лоб-нору, где он бывал раньше, то лобнорцы его встретили радостно. Их правитель Кунчикан-бек стал большим приятелем Николая Михайловича и при уходе экспедиции с Лоб-нора провожал своих русских друзей, пройдя с ними несколько переходов. С большой теплотой и симпатией пишет Пржевальский о Кунчикан-беке — человеке «редкой нравственности и добром до бесконечности».

Трогательна дружба экспедиции с жителями оазиса Пола (Кашгария), где русские пробыли пять дней. Об этом хорошо написано Пржевальским в книге «От Кяхты на истоки Желтой реки».

Долго помнило население Монголии и Северного Тибета экспедицию Пржевальского. Глубокое впечатление оставили у монголов и тангутов храбрость Пржевальского, его решительность, воля, способность быстро ориентироваться; они всегда удивлялись умению Николая Михайловича метко стрелять, охотиться за диким зверем.

Другой русский путешественник, бурят по происхождению, Г. Ц. Цыбиков, который во время путешествия 1899—1902 годов дошел до Лхасы, указывает, что цайдамские монголы подробно расспрашивали его о Пржевальском и сами с уважением рассказывали о нем.

В третьем путешествии Пржевальский очень близко подошел к столице Тибета — Лхасе, его мечте, куда он стремился, начиная с момента начала работ по изучению Центральной Азии. Однако представители тибетского правительства просили Пржевальского не продолжать путь на юг, не нарушать традиций Тибета. Путешественник, уважая эти традиции, не стал настаивать на осуществлении своего желанья, добросердечно попрощался с тибетцами и ушел в обратный путь, на север, хотя мог со своими спутниками проникнуть в долину Брамипутры. Пржевальский завоевал уважение тибетцев. После экспедиций его у тибетского населения осталось дружеское отношение к русским.

Не лишне напомнить здесь известные факты из истории Тибета в начале XX века. В 1904 году английский империализм, протягивая руки к Китаю, осуществил большую военную экспедицию из Британской Индии в неотъемлемую часть Китая — Тибет. Английское командование не посчиталось ни с тибетскими традициями, ни с протестами тибетского правительства. Большой отряд, перевалив через Гималаи, достиг Лхасы, грубой силой оккупировав ее и значительный район южного Тибета. Далай-лама — духовный и светский глава Тибета, успел выехать на север, в Ургу (Улан-Батор), где в 1905 году встретился с учеником Пржевальского, известным путешественником Петром Кузьмичом Козловым. Тибетский глава приглашал Козлова и других русских ученых, а также торговых людей, в Тибет. Позже, во время экспедиции 1907—1909 годов П. К. Козлов вновь видел далай-ламу, который сказал: «Передайте России чувства моего восхищения и признательности к этой великой и богатой стране. Надеюсь, что Россия будет поддерживать с Тибетом лучшие дружеские отношения и впредь также будет присылать ко мне своих путешественников-исследователей для более широкого ознакомления как с моей горной природой, так и с моим многочисленным населением»¹.

*   *

*

Н. М. Пржевальского по заслугам называют первым исследователем природы Центральной Азии. Монголия,

---

¹ П. К. Козлов, Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. М., 1947, стр. 277.

Западный Китай, Северный Тибет изучены им в четырех путешествиях.

Пржевальский впервые показал своеобразную природу Центральной Азии — ее растительность, животный мир, предоставил в распоряжение науки первый достоверный и богатый материал о климате внутренних частей материка, рассказал о замечательных особенностях речной и озерной сети пустынь. Пржевальским впервые положены на карту десятки гигантских цепей горных систем Нань-шаня, Куэнь-луня, Северного Тибета и определены их высоты. Обширные коллекции растений и животных еще долго и после смерти путешественника изучались специалистами-учеными, а результаты этой работы печатались в десятках книг и статей.

Н. М. Пржевальский свои путешествия скромно называл «научными рекогносцировками». Это были рекогносцировки только потому, что путешественник впервые попадал в такие области Азии, где до него еще никто из ученых не был. По научным же результатам, по богатству и ценности собранных материалов этим так называемым рекогносцировкам могла позавидовать любая большая и хорошо налаженная комплексная экспедиция. Недаром говорят о том, что на ниве научного познания Центральной Азии Пржевальский поработал за десятилетие, в результате чего он «открыл для современной науки путь в Центральную Азию и Тибет»¹.

Это замечание В. А. Обручева глубоко верно. Показав пути в Центральную Азию, Пржевальский возбудил интерес к этой труднодоступной стране, к ее природе и народам и тем самым способствовал осуществлению больших и частых экспедиций.

Уже после первого путешествия Пржевальского в Центральную Азию и успеха книги «Монголия и страна тангутов», русские путешественники стали строить свои маршруты так, чтобы пройти как можно дальше в глубь материка. Подкупающе простая и искренняя форма отчетов Пржевальского нашла продолжателей в лице таких, например, крупных ученых, как Г. Н. Потанин и М. В. Певцов.

---

¹ В. А. Обручев. Н. М. Пржевальский как путешественник и исследователь Центральной Азии. «Вестник Академии наук», № 6 за 1939 год, стр. 77.

В третьем путешествии в Центральную Азию начинается формирование школы Пржевальского в лице его непосредственных учеников. На этот раз Пржевальский выступает уже как опытный путешественник, испытавший на себе тяготы путешествий по пустыням и высоким горьям, выработавший свою методику комплексных научных рекогносцировок. В отчете о третьем путешествии уже содержится немало рекомендаций по технике путешествий, по методам научно-исследовательской работы. Одним из помощников Пржевальского стал В. И. Роборовский. Он сопровождал Пржевальского и в четвертом путешествии по Центральной Азии. Затем Роборовский работал в Тибетской экспедиции М. В. Певцова и, наконец, возглавлял большую экспедицию Русского Географического общества в Центральную Азию в 1893—1895 годах. Всеволод Иванович Роборовский — достойный ученик Н. М. Пржевальского. В четвертом путешествии начинает свою исследовательскую работу П. К. Козлов, позже прославившийся как один из выдающихся русских исследователей-путешественников. Значение этой стороны тибетских экспедиций Пржевальского, особенно последней, следует особенно подчеркнуть.

Пржевальский сам выработал методику своих комплексных географических исследований в Центральную Азию, развив идеи П. П. Семенова-Тян-Шанского. Эта методика затем была успешно применена в работах М. В. Певцова, В. И. Роборовского, Г. Н. Потанина, П. К. Козлова, Г. Е. Грумм-Гржимайло.

Эти русские ученые продолжали дело изучения Центральной Азии, начатое Пржевальским. Благодаря их труду и талантам, к концу прошлого столетия был собран громадный научный материал, позволивший считать эту труднодоступную часть Азиатского материка уже сравнительно хорошо известной, чем был окончательно утвержден приоритет русской науки в географическом исследовании Монголии, Западного Китая и Тибета.

Изучение отчетов этих путешественников показывает, что и писательская манера Пржевальского оказала свое влияние на их творчество. Своеобразное построение книг Пржевальского, в которых главы с описанием маршрута путешествия чередуются с тематическими главами, где строго научный материал прекрасно увязан с увлекательными рассказами об охоте, приключениях и с описанием

встреч, привлекало внимание читателей и делало книгу интересной для всех.

Такое построение отчета стало обычным почти у всех путешественников, исследовавших Центральную Азию в конце прошлого и в начале нашего столетия.

В этом отношении представляет интерес большая монография Потанина «Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия» (1893) и отчет Певцова «Путешествие по Восточному Туркестану, Кун-луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889 и 1890 гг.» (1895). В них авторы следуют писательской манере Пржевальского — просто, в виде путевого рассказа передать читателю как ход самой экспедиции, так и научные ее работы. Наряду с этим, в трудах Потанина и Певцова встречаются отдельные главы, посвященные какой-либо одной научной теме. В таком же плане построен и трехтомный труд другого известного русского исследователя Центральной Азии «Описание путешествия в Западный Китай» Г. Е. Грумм-Гржимайло (1896—1907 гг.).

Слава пришла к Пржевальскому при жизни. Русский народ по достоинству оценил труды и таланты Николая Михайловича.

Н. М. Пржевальский был награжден многими золотыми и серебряными медалями русских и иностранных научных обществ и академий. Из всех наград Пржевальский особенно ценил именную золотую медаль Российской академии наук со скромной надписью: «Первому исследователю природы Центральной Азии. 1886 г.».

Путешествия Пржевальского — это целая эпоха в развитии географической науки, и мы по праву гордимся Пржевальским и его работами, прославившими русское имя, русскую науку.

Для позднейших русских исследователей стали заветом прекрасные слова Пржевальского о том, что дорога странника не ковром устлана, но что в интересах науки, во славу родины русский человек должен идти трудными, непроторенными путями.

В связи с этим можно привести слова Пржевальского, изложенные им в приказе по экспедиции по случаю благополучного окончания четвертого путешествия по Центральной Азии и возвращения на родину.

«Мы выполнили свою задачу до конца — прошли и исследовали те местности Центральной Азии, в большей части которых еще не ступала нога европейца. Честь и слава вам, товарищи! О ваших подвигах я поведаю всему свету. Теперь же обнимаю каждого из вас и благодарю за службу верную от имени науки, которой мы служили, и от имени родины, которую мы прославили...»¹

В полевом дневнике от 29 октября (10 ноября) 1885 года Николай Михайлович записал: «Так сегодня окончилось мое четвертое путешествие по Центральной Азии. Ровно два года провели мы в пустынях вдали от цивилизованного мира. Но мила и сердцу дорога свободная странническая жизнь. Как в прежние годы, так и теперь жалко, больно с нею расставаться, — быть может, надолго, если только не навсегда. Тяжело подумать о последнем, но годы налегают один за другим и, конечно, наступит время, когда уже невозможно будет выносить всех трудов и лишений подобных путешествий. Пусть же — если только мне не суждено более идти в глубь Азии — воспоминания о виденном там и сделанном в течение долголетних странствований будут для меня отрадой до конца жизни. Пусть с именами Лоб-нора, Куку-нора, Тибета и многими другими будут воскресать в моем воображении живые образы тех незабываемых дней, которые удалось мне провести в этих неведомых странах, среди дикой природы и диких людей на славном поприще служения науке...

Снова бури миновали,
Снова невредим пловец..
Снова, снова не сказали,
Что для бурь настал конец...»

Грустные предчувствия не обманули путешественника, его нога больше не ступила на дорожную ему землю Центральной Азии. Друзья советовали ему жениться и окончить свои скитания, но не это прельщает Пржевальского, который пишет А. М. Лушникову в Кяхту, где он обычно гостил перед переходом границы Монголии, «... речь о генеральше, вероятно, останется без внимания, не те уже мои года (46 лет), да и не такая моя профессия, чтобы жениться. В Центральной же Азии у меня много оста-

---

¹ Н. М. Пржевальский. От Кяхты на истоки Желтой реки. М., 1948, стр. 328.

влено потомства — не в прямом, конечно, смысле, а в переносном: Лоб-нор, Куку-нор, Тибет и пр. — вот мои детища».

С отеческой заботливостью думал Пржевальский о своих спутниках, он писал теплые, полные участия письма казаку Пантелею Телешову, все время руководил научной подготовкой Роборовского и Козлова, видя в них продолжателей своего любимого дела.

Удивительно задушевно относился Пржевальский к своим помощникам по путешествиям, разделявшим с ним все лишения и трудности далекого и неизвестного пути и торжество открытий. Многие из его спутников, простых казаков, сопровождали его в нескольких экспедициях. Таковы бурят Дондок Иринчинов — участник всех четырех экспедиций в Центральную Азию, Пантелей Телешов — участник третьего и четвертого путешествий. Отношение Пржевальского к солдатам и казакам очень хорошо видно из трагического эпизода с пропажей заблудившегося в горах Нань-шаня Никифора Егорова, очень хорошего и исполнительного помощника. Сколько упорства было проявлено при поисках исчезнувшего товарища, сколько внимания было ему оказано, когда, наконец, его нашли¹.

Об отношении Пржевальского к своим верным спутникам свидетельствует П. П. Семенов-Тянь-Шанский в следующих словах: «Он [Пржевальский], держа их в строгой дисциплине, заботился с трогательной гуманностью, как это ясно видно, например, из его рассказа о заблудившемся на охоте и едва не погибшем казаке Егорове. Счастливое соединение строгой дисциплины с истинно братской заботливостью о людях, входящих в состав его экспедиций, имело последствием то, что при всех трудностях и опасностях его путешествий ни

---

¹ Рассказ о Егорове приведен в книге о третьем путешествии Пржевальского «Из Зайсана через Хами в Тибет», М., 1948, стр. 120—124.

В кинофильме «Пржевальский» эпизод с Егоровым перенесен в пустыню Лоб-нора и драматургически связан с поисками дикого верблюда и объяснением пресноводности Лоб-нора.

Фильм показывает только часть творческой биографии Пржевальского — с начала работ путешественника и до конца третьего путешествия в Центральную Азию, но материал для показа этого периода деятельности ученого привлечен и из других периодов его жизни.

Памятник Н. М. Пржевальскому в Ленинграде.

один из его спутников не погиб и все сохранили к нему такое чувство любви, уважения и преданности, какие достаются в удел только немногим»¹.

Жажда деятельности, стремление сделать больше, лучше, прославить русскую науку побуждали его к новым путешествиям, к новым открытиям. В 1888 году он ушел в пятую свою экспедицию. Это был последний путь великого путешественника. В его журнале конечная

---

¹ П. П. Семенов. История полувековой деятельности Русского Географического общества, ч. 2, СПб., 1896, стр. 546.

запись отмечена 4, 5 (16, 17) октября 1888 года: «Вечером поехал с Роборовским на станцию Константиновскую (19 верст от Пишпека) на фазанов... которых здесь очень много. Вечером и утром я убил 15; Роборовский — 1. Несмотря на октябрь днем очень жарко; листья еще не осыпаются с деревьев, хотя на некоторых начинают желтеть. От жары и тряски в тарантасе у меня опять начался зуд. В отряде собрано до сих пор 23 солдат и казаков; нужно теперь только еще двух»¹.

Будучи на охоте в жаркий день в окрестностях Пишпека, Пржевальский напился из реки и заболел брюшным тифом. Болезнь протекала тяжело.

20 октября (1 ноября) 1888 года великого русского путешественника, всемирно известного географа и ученого, не стало. Он умер в Караколе, теперь переименованном в Пржевальск.

Умирая, Пржевальский просил похоронить его на берегу Иссык-куля, у синего простора озера.

«Не бредом больного воображения было последнее выраженное дорогим нам усопшим желание быть похороненным на берегах Иссык-куля. Идея, связанная с этим желанием, не только глубокая, но и вполне соответствующая русскому народному складу Николая Михайловича. В русском народном творчестве сказочный русский богатырь желает быть похороненным на перепутье, как бы указывая своей могилой на дальнейшие пути тем русским богатырям, которые пойдут вслед за ним»².

* *
*

Наша страна любит и ценит неутомимых отважных исследователей неведомых земель и морей. Путешествия и ученые труды Н. М. Пржевальского по заслугам оценены советской общественностью. Славными успехами и традициями русской географической науки по праву гордятся народы Советского Союза.

Известность Пржевальского, любовь к нему и признание народа — награда за всю его благородную дея-

---

¹ Дневник последнего путешествия Н. М. Пржевальского в 1888 году. «Известия Всесоюзного Географического общества», т. 72, стр. 630—640, вып. 4—5, 1940.

² П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Памяти Н. М. Пржевальского, стр. 26, СПб., 1890.

тельность, за целеустремленный труд. Трудно переоценить его несравненный вклад в историю отечественной и мировой науки. Несмотря на значительный отрезок времени, который прошел после путешествий Пржевальского, до сих пор его отчеты и книги представляют ценность не только как документы для истории географических открытий, но и как научный материал.

Советской эпохе созвучны энтузиазм, отвага, бесстрашие и целеустремленность Пржевальского, его беззаветная преданность родине и науке. Николай Михайлович был истинно русским человеком, и куда бы его ни забрасывала судьба: в уссурийские леса, пустыни Гоби, степи Монголии, горы Тибета, или пески Такла-макана, — он всегда оставался горячим патриотом своей родины. Пржевальский всей своей жизнью являет пример, зовущий нас к упорному труду, к высоким принципам служения своему народу, своей стране. Русский народ богат талантами. XIX век дал немало русских людей, имена которых известны всему миру. В этом числе и имя Николая Михайловича Пржевальского.

В наше, советское, время социалистическое государство ежегодно организует тысячи экспедиций. Десятки тысяч специалистов: геологов, географов, ботаников, зоологов, почвоведов, геофизиков и геодезистов отправляются в дальние районы страны. Многие из исследователей идут непроторенными путями, собирая новый материал, не известный до того науке, продолжая славные традиции русских путешественников прошлого столетия.

Советские ученые обследовали, нанесли на карты и описали в многочисленных трудах громадные территории Средней Азии, Сибири, Дальнего Востока, арктических морей и островов. Советские ученые изучают и зарубежные страны. Среди них Монголия и Китай — два наших соседа на востоке, с которыми Советский Союз связан узами дружбы, хозяйственного и культурного сотрудничества. Именно изучению географии этих стран отдал свой талант и труды Н. М. Пржевальский.

Изучение Центральной Азии продолжается. Теперь мы знаем об этой стране несравненно больше, чем пятьдесят лет назад. После Пржевальского в Гоби, в Монголии и в Тибете побывали десятки и даже сотни путешественников, представляющих самые разные отрасли науки.

Революционный Китай и Монгольская Народная Республика строят новую жизнь на необозримых просторах своих стран. Ученые Китая и Монголии, имея пример советских научных работников, все шире разворачивают фронт научно-исследовательских работ, изучая природные условия далеких и труднодоступных районов.

Но всегда при упоминании высоких горных систем Нань-шаня, Алтын-тага и Куэнь-луня, необозримых пустынь Гоби и Такла-макана, водной глади голубого альпийского озера Куку-нора или болотистого Лоб-нора географы будут с благодарностью и уважением вспоминать первого исследователя Центральной Азии — Николая Михайловича Пржевальского.

В своем приветствии Академии наук СССР, в связи с ее 220-летним юбилеем, Советское правительство и Центральный Комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) отметили имя всемирно известного географа Пржевальского среди других великих русских ученых, которыми по праву гордится советский народ¹.

---

¹ Газета «Правда», № 144 (9915) от 17 июня 1945 года.

75 коп.